

Ак – патр Алибабаевич Чугашвили

Распад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051973

Аннотация

Осень 1991 года. Последний призыв в Советскую армию. После прихода пополнения в подмосковную воинскую часть, загадочным образом умирают несколько старослужащих. Является ли их смерть следствием несчастного случая, или же...

Банальная история о преодолении тягот и невзгод воинской службы, превращается в детектив, остросюжетный триллер, действие которого разворачивается на фоне распада страны...

Распад.

– Ну что? Где они? Электричка уже отправляется...

– Да, сказали, что быстро сбегают... не знаю...

«Электрпэзд проследует до станции Бекасово, останов-
ки... остржно двери закрываются, следующая станция...» –
с ненавистью пробубнил машинист.

– Чего делать – то?

– Чего – чего... дёргай стоп – кран!

Раздалось характерное шипение, сержант начинал нерв-
ничать – а может они подорвались?

– На чём? Мин вроде бы нет...

– Дебил, подорвались в смысле... ээ, свалили, сдрисну-
ли...

– А –а, сбежали что ли?

– Ну да, вот ты дятел, русского языка ни хера не знаешь...

«Осторожно, двери закрываются»

– Дёргай ещё! Без них не уедем, шмотки ихние здесь, зна-
чит щас прибегут... а они далеко пошли – то?

– В ларёк, с той стороны вокзала, сам не пойму чего так
долго...

«Слышь ты, сука, а ну отпусти стоп – кран! Я тебя найду,
и тебе херово будет!» – просипел по громкой связи маши-
нист. Обрадованный хладнокровием машиниста, раскатисто
захохотал сержант.. В тамбур влезла неопрятного вида баб-
ка с авоськой – вот спасибо ребята, что поезд подержали, а
я уж его ищу – ищу, где моя крохотулечка, как я без него,

ведь потеряется один в огромном городе, он же несмышлёныш ещё... Вовик! Вовик? Ты где? Вы видели Вовика?

– Нет, мать, Вовика не видели... а какой он?

– Какой – какой... мальчик маленький, носик такой курносый, кепочка, сапожки. Ну... Вовик, в общем...

– Совсем маленький? Так чего же вы мамаша малыша одного бросили, и где его искать теперь?

– Не знаю... Воо – ооо – оовииик!

В тамбур ввалился здоровенный мужичина с небритой рожей, багровым носом пьяницы, и затухшей папиросой в углу рта – ну? Чё орёшь, мать? Перепонные барабанки в ушах полопались от твоего воя...

– Вот же он! Вовик!!! Нашёлся малыш!

– Вот это «мальчик маленький»? «Носик курносый»?

– Да, это он, сразу узнали?

– «Несмышлёныш»?

Вовик развернулся в нашу сторону, и перекатил папиросу из одного угла рта в другой.

– Чё, проблемы?

– Да нет.

– А хотите, будут?

Он придвинулся ко мне вплотную, обдав запахом какой – то кислятины, и мощным проспиртованным выхлопом.

– Хочешь, мои руки сейчас окрасятся кровью?

– Чьей кровью?

– Ну, хотя бы твоей...

Бабка натужно засмеялась – ох, он у меня с детства шутик, это у него юмор такой, так – то он безобидный, мухи не обидит... я тебе пива купила... три бутылки...

– Пиво это хорошо, а вы... сявки... живите пока... пошли мать...

Он открыл дверь в вагон, не сводя с меня недоброго взгляда, и быстро зашагал по проходу, бабка семенила за сынулей, я громко и облегчённо выдохнул, сержант презрительно ухмыльнулся – ну, где они?

– Купили! Купили! Четыре бутылки!

– Вы чё, тормоза, где ходите? Мы уже два раза стоп – кран дёргали, кореша вашего чуть не убили тут.

– У вокзала водку не продают, пришлось на ту сторону сбегать...

Электричка поехала, в окнах замелькали подмосковные полустанки, совсем скоро нам всем захорошело, оказывается, в армейской службе нет ничего страшного, и сержант такой симпатичный попался, улыбается.

– Жалко мне вас солобоны, скоро перестанете веселиться...

– Это почему, а Слав? (призывник с пышной прядью седых волос запанибрата называл сержанта Славой)

– По ротам вас распределяют, и начнёте «летать» как срные веники, вот почему...

– А что значит «летать»?

– Всё узнаете скоро, и про «летать» и про «сушилку»...

Все притихли, потрясённые мощью неожиданного, такого военного слова «сушилка». Сержант резко встал – подорвались! Солобоны! На выход! Дальше нам пешком топать, электричка поворачивает...

Мы вывалились в темноту, счастливые, пьяные, часа два брели по шпалам, пока не дошли до КПП, воинская часть обдала нас освежающим запахом кислой капусты, в воздухе медленно кружились огромные, разлапистые снежинки, было очень тихо, идиллию нарушал стук работающего генератора.

– Так, щас вещи оставляете в приёмнике, и на склад, одеваться, а то вы на военных не похожи.

«Приёмник» оказался обычной трёхэтажной казармой, мы поднялись на второй этаж и увидели длинные ряды двухъярусных кроватей, застеленных однообразными синими одеялами с каймой из двух чёрных полос.

– О, подкрепление прибыло.

С постели медленно, морщась от боли, вставал парень с двумя огромными, чёрными синяками вокруг глаз.

– Здорово, мужики. Пожрать есть чего?

Мы все замолчали. «Седой» осторожно спросил – я извиняюсь, а что у вас с лицом?

– Догадайся с трёх раз. Я ещё и ссу кровью. Почки отбили...

Тишина стала гнетущей. Снизу донёсся крик сержанта – вы где? Солобоны? Бегом вниз!

Потрясённые, мы спускались вниз.

– Построились, нечего по части толпой ходить.

– Слав...

– Я тебе не Слав, а товарищ старший сержант, понятно?

– Да.

– Не да, а «есть», сделай тридцать отжиманий, упор лёжа принять!

«Седой» натужно отжимался, на счёт «десять» руки героя подогнулись.

– У– у– у, да у нас тут задрот, всем принять упор лёжа, тридцать отжиманий, а потом, после склада, объясните товарищу его ошибку.

Злобно глядя на лежащего в снегу «седого», мы отжались положенное число раз.

– Подъём, шагоом арш!

Нестройной толпой, шагая вразнобой, мы поплелись за сержантом. Стемнело, снег продолжал тихое и очень красивое падение. Сержант скрипуче рассмеялся – от это прикол, бя!

Мы не сразу поняли причину веселья, обуявшего нашего командира. Из темноты проступили очертания каких – то диковинных существ: зеленоватые, огромных размеров костюмы, инопланетного вида обувь с чёрными штрипками, хоботы шлангов, круглые глаза, в руках существа держали ломы с привязанными к ним веточками, и тщетно пытались этими импровизированными мётлами разгрести огромные

завалы снега. Всё это происходило совершенно беззвучно, было похоже на передачи о пребывании астронавтов на Луне, казалось ещё чуть – чуть, и существа пройдутся лунным шагом, или запрыгают, преодолевая гравитацию.

– Рота охраны даёт, это ж надо так над людьми глумиться!

– Товарщиц сержант, а что здесь происходит? Кино снимают? Ужастик?

– Старший сержант! Нет, это не кино, это губари...

– Кто? Губари?

– Арестованные с гауптвахты...

– А что это на них надето?

– ОЗК.

– Что?

– Я и забыл, что вы все сямки неучёные, ОЗК – общевойсковой защитный комплект, средство индивидуальной защиты от радиации, и прочей порноты...

– Здесь что, учения проходят?

– Ты чего такой дебил? (ударение в слове дебил, он делал на первый слог). Какие учения? Это ребята из роты охраны развлекаются, заставили этих ушлёпков одеть ОЗК, а он на морозе становится твёрдый, холодный брррр, и противогазы, дали им мётлы, и заставили снег мести.

– А чего это у них мётлы такие странные?

– А того, что это не мётлы, а ломы, иди ломом помахай, много ты им снега начистишь? Ну, у вас ещё всё впереди... это приколы такой, шутка, очень смешная, гы – гы...

Шокированные увиденным, мы молча вошли в складское помещение. Усатый дядька с двумя звездами на погоне, ожесточённо грыз шариковую ручку – о! Кого ты мне привёл, Гаврилов?

– Запахов вонючих, товарищ прапорщик.

– Кого? Духов что ли?

– Неет, дух – это после принятия присяги, а до, они ещё даже не духи, а запахи бесплотные, вообще не люди.

– Люблю я ваши приколы армейские. Ну чё? Одеваться будем, товарищи запахи? Садыгов!

Откуда – то возник солдат с тонкими, арабскими чертами лица, он подошёл к нашему сержанту, и смачно поцеловал его в щёку, сержант ответил не менее звучным поцелуем.

– Сука, развели педерастию, никогда не привыкну к вашим поцелуйчикам, запахи могут подумать, что в пидорскую часть попали...

– Это традиция, товарищ прапорщик, это кавказцы занесли, чего такого – солдаты одного призыва при встрече приветствуют друг друга?

– Не понимаю я ваших традиций, ты ещё в жопу ему присунь, поприветствуй зёму!

«Араб» шагнул к «седому» – сигарету дай! Быстро! «Седой» засуетился, дрожащими руками вытащил пачку, судорожно пытаясь вытрясти вставшую поперёк пачки сигарету – дай сюда, «араб» брезгливо выхватил у «седого» из рук всю пачку, вытащил из неё одну сигарету, пачку быстро сунул в

карман штанов.

– Огонь.

«Седой» вытащил зажигалку, «араб» прикурил – ого, Зиппо, зауважал! Зажигалка повторила судьбу пачки – исчезла в бездонных карманах «арабских» штанов.

– Откуда?

– Из Москвы.

– Вешайся.

Лицо «араба» озарила широкая, душевная улыбка, казалось, что он произнёс какое – то доброе, напутствие, пожелание долголетия, здоровья – такое счастье и доброта светились в его глазах. Прапорщик ловко одевал моих спутников – шинель, натянул? Сидит как влитая!

– Да она мне мала! Я руки не могу поднять!

– А на кой оно тебе, милый, это самое – руки поднимать? Ты чего у нас – вертолёт? На хера тебе лопастями махать? Держи руки внизу, а то яиц лишишься.

Раздался страшный треск, шинель лопнула под мышками, любитель махать руками жалостно посмотрел на прапорщика – ничего, ничего, зашьёшь, давай вали, следующий! Ого, какой ты здоровый! У меня такого размера нет, наверное, щас посмотрим. Вот, сапоги обувай. Налезли?

– Малы, размера на два...

– Да ты как – будто в них родился! Разносишь!

– Да я в них шагнуть не могу!

– Привыкнешь, военнослужащий должен стойко преодо-

левать тяготы и невзгоды военной службы, вот и иди, пре-
одолевай. Следующий!

«Седому» достались кальсоны, с огромной, прожжённой
чем – то круглым, дырой на заднице – Бог шельму метит,
быть тебе дырявым!

– Ну, товарищ прапорщик, ну как же так...

– Съебал отсюда, до следующей бани всего неделя, там
тебе бельё поменяют, а пока так ходи, вентиляция, мамкины
пирожки из задницы быстрее выветрятся.

– Вы просто волшебник, товарищ прапорщик, наслажда-
юсь вашим искусством!

– Секрет прост Гаврилов – всё для людей, всего себя от-
даю, горю на работе! Всё люДЯм! Уводи отсюда своих воню-
чек, что – то вид у них сильно стрёмный.

Одетые в шинели меньшего размера, тесные сапоги, с тру-
дом держащиеся на макушках шапочки детских размеров,
мы были похожи на махновцев, после ограбления очередно-
го поезда.

– Да это же друзья Миклухо – Маклая! Я тут со своим
младшим кино по телеку видел, там таких же показывали,
эти как его... пи... ппу...па... пи– да – рассы Новой Гвир-
неи, вот! Хрен выговоришь!

– Папуасы, товарищ прапорщик, не пидарасы, а папуасы.

– От же сука, начитанный, да? Ничего, в роту придёшь,
тебе там кукушку на место быстро поставят, всё, Гаврилов,
уводи их.

2.

Часть, в которую мы попали, оказалась своеобразным накопителем – сюда свозили призывников, в течение трёх месяцев готовили их к строевой службе, учили разбирать карабин, а затем отправляли по другим частям. Тянулись однообразные дни: строевая, изучение устава в Ленинской комнате, стрельбы, чистка оружия. И так изо дня в день. Весело было только по ночам, в том случае, если дежурным по роте оказывался сержант Коржиков.

– Заняли удобное положение ко сну! Рота, отбой!

Старые, продавленные кровати издавали жалобный скрижет.

– Раз скрип!

Кто – то сдавленно ойкнул – два скрип!

Наступила полная тишина, все замерли в ожидании чуда – вдруг сегодня пронесёт?

Не скрипела ни одна кровать, Коржиков подошёл к ближайшей, и пнул ногой лежащего на ней бойца – три скрип! Рота, подъём, форма одежды номер четыре, строиться на подоконниках с матрасами, повзводно! Время пошло!

Двести человек одновременно рванулись из своих кроватей, надо успеть одеться за сорок пять секунд! Толкотня, мат, на пол летят табуретки, сбитые впопыхах, кто – то падает, ударяясь челюстью о дужку кровати, раздаётся громкое клцание зубов, Коржиков громко хохочет, хлопая себя по ляж-

кам. Через минуту, приёмник представляет собой живописное зрелище – на всех подоконниках стоят, или висят чумазные, потные военнослужащие, бережно придерживая матрасы.

– Отставить! Строиться повзводно! Матрасы положить на кровати!

Коржиков горделиво обходит строй, сержант похож на генералиссимуса после выигранной битвы, такой боевой задор горит в его взоре. Он останавливается возле огромного, похожего на мамонта солдата по фамилии Белаз – бритый наголо череп, надвое разделённый продольным, розовым, уродливым шрамом, с кончиков губ свисает слюна, мохнатые брови, из – под очков злобно блестят маленькие глазки серийного убийцы.

– Правую ногу к осмотру!

Белаз снимает сапог, и вытаскивает голую, без признаков портянки ногу.

– Где портянка?

– Я не успел (сиплым басом оправдывается Белаз), я...

– Портянка! Где?

Белаз обречённо вытаскивает портянку из кармана шинели.

– Даун, бля! «Я не успел». Наряд на службу вне очереди!

– Почему? Это несправедливо. Я не ...

– Два наряда!

– Я хотел...

– Три наряда! Как надо отвечать?

– Хорошо... то есть...

– Есть три наряда на службу! А не «хорошо»! Не слышу?

– Есть три наряда на службу!

– Рота отбой!

Грохот сапог, швыряемые в шкаф шинели, мат, визг, все обречённо прыгают в койки.

– Отставить отбой, сложить обмундирование!

Какое – то время уходит на то, чтобы аккуратно сложить наши ПШ.

– Отбой! Приняли удобное положение для сна!

Слышно возмущённое фыркание Белаза – раз скрип!

– Я не скрипел!

– Два скрип!

– Да это несправедливо, а как же права человека?

– Три скрип! Рота подъём! Строиться! Форма одежды номер два!

Душа сержанта поёт, он получает от происходящего такое чистое, незамутнённое удовольствие, что становится завидно, на его розовом, круглом лице деревенского парня написано самое настоящее счастье. Коржиков обходит строй, останавливается возле Седого, и ощупывает его погоны, найдя щель между стежками, он просовывает в неё пальцы, и с наслаждением отрывает погон, а затем и другой – шить надо так, чтобы спичечную головку просунуть нельзя было, понял?

– Понял.

– Ещё один баран! Как должен отвечать военнослужащий? Так точно! Понял?

– Понял.

– Дебил! Не понял, а так точно! Теперь понял?

– Да! Понял! То есть, так точно!

– Что ты понял?

– Я понял, что я – дебил!

– Молодец!

Коржиков подходит к Кочану, и тянет ремень на себя – ух, ты! Да у нас тут дедушка! Ремень на яйцах висит! Сколько вам осталось до дембеля, товарищ старослужащий?

Сержант закручивает бляху ремня до тех пор, пока на лице Кочана не появляется выражение боли, вот так вот ремень должен быть затянут, и тренчик поправь!

И тут же без перехода – рота, отбой!

Вот так, скучные дни перемежались весёлыми ночами, испачканную ночной беготнёй взлётку (армейское название пола) мы дружно отмывали днём, время бежало быстро – скучный день – искромётная ночь.

Командовал «приёмником» чудной майор, которого мы называли майор – шинэлка, он неожиданно врывался в расположение, дневальный орал «смирно» выпучивая глаза, и подходил к майору с докладом, тот громко кричал – и замерли все! Выслушивал доклад, и привычно командовал –

все взяли шинэлки, и выходим строиться! Ты – взял свою шинэлку?

Майор искренне считал, что главное для военнослужащего – взять шинэлку, без неё военнослужащий несостоятелен как боевая единица...

По вечерам в казарму часто забредали солдаты из других рот, вначале в поисках жратвы, сигарет, а когда всё домашнее изобилие сошло на нет, то в поисках земляков. В девять часов все должны были сидеть у телевизора, смотреть программу «Время». Обычно я садился рядом с «седым» и «кочаном», прозванным так за необычную форму головы. Они лениво переругивались, выясняя, кто из них был круче на «гражданке» – у кого было больше тёлок, тачек и прочих доказательств крутизны. Вся перебранка затевалась с одной целью – не заснуть, многие клевали носами, всхрапывали, за что дежуривший по роте сержант поощрял их ударом ноги по голове. В один из таких нудных вечеров в казарму зашёл гнутый как банан, длинный тип с грязным лицом, и руками, покрытыми до локтя машинным маслом. Он не спеша шёл по проходу, пожимая всем руки, ему доставляло удовольствие видеть, как брезгливо морщили лица те, кто уже пожал его замасленную клешню.

– Здорово зёма, привет зёма – он медленно приближался к нашему ряду, «кочан» машинально пожал ему руку, и полез за платком, «седой» нервно смеясь, вскочил со стула, и шарахнулся в сторону, «чухан» протянул руку мне – привет

зёма!

Я смотрел сквозь него.

– Зёма ты чего?

– Отойди, ты мне телевизор загородил.

– Зёма, привет!

– Ты мне не зёма. Съебал отсюда.

– Что? Ты сука мне брезгуешь руку пожать... я тебя... тебе пиздец... я щас за старшими схожу...

Минут через пятнадцать он вбежал в казарму и злорадно проговорил – слышь земляк, с тобой там поговорить хотят, выйди на минуточку...

Я пошёл, уверенный, что «Кочан» и «Седой» идут за мной следом. На крыльце стояли трое, один из них сделал шаг вперёд, и неторопливо протянул – дай мне вкууусную сигарету, землячок.

– Не дам, «землячок».

Кто – то из троих присвистнул – парень – то борзый.

Неторопливый (он оказался азиатом) протянул – пошли, поговорим на воздухе. Мы зашли за угол, и мне в переносицу тут же прилетел ослепляющий удар, от неожиданности я сделал шаг назад, и правая нога предательски заскользила по льду, левый боковой свалил меня на бок. Азиат неторопливо обшарил мои карманы, вытащил сигареты, закурил, и смачно заехал мне в живот ногой

– Слышь, сучонок, если я говорю – ты делаешь, эт поняаатна?

Не дождавшись ответа, он плюнул мне в лицо, и исчез из поля зрения. Я с трудом поднялся, доковылял до угла, «седой» отсвечивал свежим фингалом, иллюминация осветила левый глаз, «кочан» пытался улыбнуться разбитыми губами. «Чухан» визгливо заголосил

– Поняли, пидары? Ещё раз, и я вас...

Азиат нанёс ему чудовищной силы лоукик, чухана просто срубило, громко причитая, он рухнул на снег, двое друзей азиата радостно заржали.

– Завали хавало Лошарик, твоё место – мойка, бегом на кухню, посуда ждёт.

«Лошарик» поднялся, и скособочась, побежал в сторону столовой. Азиат неспешно последовал за ним в сопровождении друзей. «Кочан» спросил у меня.

– Ты дал ему сигарет?

– Угу.

– Так какого... ты выпендривался?

– Кто ж знал, что он – спортсмен?

– Эх, ты, я думал ты – крутой...

– А я – крутой, но бывают и покруче меня...

Дежурный по роте сладко улыбался.

– Ну чего, побазарили? Ты – он почти ткнул мне пальцем в нос, – не на того потянуть решил, этот татарин с моей роты, у него семнадцать профессиональных боёв на ринге...

– А ты чего, предупредить не мог что ли?

– Откуда я знаю, вдруг ты тоже боец, и его отбучкаешь,

всегда интересно посмотреть на такое. Ну ладно, хорош базарить, упали на стулья, смотреть программу «Время».

Утром майор «Шинэлка» привычно прокричал своё «и замерли все», и принял участие в утренней поверке. Проходя мимо строя, он заметил наши побитые рожи, и тут же вызвал нас троих в канцелярию.

– Вот вам бумага, пишите.

– Чего писать?

– Правду, обо всём, что произошло, кто вас бил, почему, мы разберёмся, виновные будут наказаны.

Минут пять в канцелярии было тихо, мы увлечённо писали.

– Вот, вся правда, и ничего кроме правды.

– Таак, «вчера вечером я зашёл в умывальное помещение, поскользнулся на куске мыла, и ударился носом об раковину, в тот момент, когда я стал подниматься, я поскользнулся повторно, и ударился челюстью об ножную ванну» – ты издеваешься надо мной, мальчик? А что у тебя написано (он схватил лист Седого) – какой слог, прямо поэма! «Испытывая жажду, я нетерпеливо ворвался в умывальную, моё нетерпение сыграло со мной злую шутку, второпях я наделся глазом на умывальный кран, чем причинил себе жуткие страдания» – молодец, орёл! Тебе бы книжки писать! А у тебя? (он взял лист Кочана) «Недосыпание – болезнь двадцатого века, она снижает умственную активность, неблагоприятно влияет на потенцию» – ишь ты, буду знать теперь, как

интересно, дальше «засыпая от усталости, я упал лицом на стол для приёма пищи, и разбил себе губы». Я всё понял, вы – долбаные трусы, вместо того, чтобы вывести мерзавцев на чистую воду, смело и откровенно рассказать обо всём, что случилось, вы покрываете преступников, да – да, здесь произошло преступление, это называется неуставными отношениями, и карается по закону. Вы препятствуете осуществлению правосудия, благодаря вам, виновные избегают заслуженного наказания. Вам угрожали? Запугивали вас? Признавайтесь! Быстро! Что молчите? Я знаю, что вам сказали – расскажешь, будешь стукачом, да? Так вас учат? Так вот, покончить с дедовщиной можно только одним способом – объединить наши усилия, усилия офицеров и солдат пострадавших от этого уродливого явления. Если вы не дадите показания, то преступник в очередной раз уйдёт от ответственности, а значит – подобные вещи будут повторяться, завтра кто – то другой пострадает, может быть лишится жизни, и виноваты в этом будете вы. Разорвите этот порочный круг, круг молчания, расскажите о том, что произошло, и я помогу вам, мы переведём вас в другую часть, туда, где никто не знает о произошедшем, зато виновные будут наказаны, остальные поймут, что возмездие неотвратимо, ну, вы поможете себе, и остальным?

–?!

–Да или нет?

–?!

– Я всё понял, вы – жалкие трусы, и мне вас ничуть не жаль, в том, что с вами произошло, виноваты вы сами.

Шинэлка распахнул дверь и крикнул дневальному – Коржикова ко мне!

– Сержант Коржиков – зайти в канцелярию!

Коржиков (тот самый сержант, что дежурил по роте) зашёл в канцелярию, развязно улыбаясь – разрешите войти?

– Заходи. Мой милый Коржиков, напомни мне – о чём мы договаривались с тобой в тот момент, когда я забирал тебя из твоей роты сюда в приёмник? Из этой помойки, где тебя чмырили, отбирали у тебя деньги, били грифом от штанги?

– Я обещал, что в приёмнике будет порядок.

– Правильно, и что же я обнаруживаю, придя на утреннюю поверку? Трёх избитых военнослужащих? Так ты держишь обещание?

– Товарищ майор (Коржиков заметно сбледнул с лица) – я не видел... я не успел...

– Какой ты медлительный, может быть мне придать тебе ускорение – вернуть тебя в твою любимую автороту, я слышал, что туда даже дежурный по части заходить боится, последнему угрожали тем, что переедут его Камазом, так что – возвращаешься в роту, прощай сладкая жизнь? До свидания безделье, молодые солдатики в подчинении, вкусная жратва от их родителей, тихая и спокойная житуха в приёмнике?

– Ннет, ттоварищ майор я этого не хочу...

– Значит так, предупреди всех, будут трогать моих ре-

бят – яйца поотрываю, а ты – если подобное повторится, отправишься в роту. С этого момента – несёшь личную ответственность, понял?

– Так точно!

– Иди. Вы тоже.

Мы вышли в коридор, Коржиков прошипел – чего вы там ему напели?

– Ничего.

– Вы чего – заебать меня решили, вы накуролесили, а я разгребай! Больше никаких разборок! Хватит строить из себя крутых, понятно?

– Да.

– Съебали отсюда.

3.

– Значит так. По случаю принятия присяги всем побриться – лично проверю, подшиться, даже если подшивался, ещё раз, начистить сапоги – вопросы есть? Вопросов нет.

Для принятия присяги нас вывели за пределы части, через дорогу от главного (первого КПП) находился мемориал, посвящённый Великой Отечественной войне – пушка и стела с фамилиями героев. Именно сюда мы и примаршировали, на подходе к мемориалу какой – то неловкий упал в лужу, уронив карабин, и извалявшись в грязи, Коржиков подбежал к нему, беззвучно открывая и закрывая рот, было ощущение, что он хочет его съесть, вот только не знает – с какого места начать трапезу, и вхолостую щёлкает зубами. Торжественное

принятие присяги проходило не очень торжественно – призывники – азиаты плохо говорили по – русски, а уж слушать, как они читают – это было сплошное удовольствие.

– Перед сисём моих тарищей, таждественно клянус...

– Перед каким «сисём» – правым или левым? Вот же дебил нерусский! (Седой трепетал от восторга)

– Эсли я нарушу эту тааждествэнну присягу то пуст минэ настигнэт суровая кора свейского закона...

– «Суровая кора» – это что такое? Какая «кора»? С дерева? Злая береста? О чём говорит этот недоумок?

Мимо прошёл Коржиков – разговорчики!

Перед тем, как отпустить новоиспечённых солдат советской армии в увольнение, Шинэлка провёл краткий инструктаж.

– Товарищи солдаты, если вы пойдёте сегодня в увольнение, (а вы в него пойдёте!), то не вздумайте напиваться, употребление спиртных напитков – воинское преступление! Если вы всё же напьётесь (а вы напьётесь!), то не бросайте своих боевых товарищей кверху пузом, потому что они могут захлебнуться рвотными массами. Что? Рвотные массы? Блевотина по – вашему. Если вы всё же бросите своих товарищей кверху пузом (а я знаю, вы их бросите!), то позаботьтесь о том...

– Готов слушать этот инструктаж вечно, это просто поэма, какой слог! Экспрессия! Подача – Седой бился в экстазе, словно девочка – группы впервые попавшая в гримёрку

любимого певца.

После окончания процедуры, всех отпустили в увольнение, здоровенный сибиряк (тот самый на котором лопнула шинель) с наслаждением пил водку из горла, мощный кадык совершал поступательные движения вверх – вниз, родственники уважительно и с пониманием смотрели на утоляющего жажду. Все новоиспечённые солдаты и их родные разбрелись по военному городку. Ко мне приехали друзья, пить они начали ещё в электричке, поэтому мне пришлось выпить пару штрафных стаканов, чтобы догнать товарищей. Как только водка начала действовать на мозг, я почувствовал желание скинуть неудобную форму, и покинуть расположение части. Быстро окосев, я утратил способность поддерживать беседу.

– Ну, как служба?

– Заебс...

– Деды не достают, а то пошли разберёмся с ними?

– Мнне...

– Как жратва? Кормят нормально?

– Норм...неделю не срал...

– Это почему?

– А кто его знает... не срётся, и всё...

– У тебя до какого часа увольнение?

– До трёх, а чё?

– Уже без двадцати.

– Ааа, ну тогда пошли...

Я с трудом передвигал ногами, в левой руке канистра с пи-

вом, на сгибе повисла какая – то девка (мне незнакомая) периодически она взвизгивала и орала – зольдатен! Фик мих!

– Чего ты орёшь?

– Не знаю, в фильме услышала, фраза понравилась.

– Это из немецкой порнухи, в переводе означает – солдаты, трахните меня!

– Ах, вон оно чё, да легко, сейчас только найдём укромное место, песочницу какую – нибудь...

Песочницы как назло, были заполнены детьми и их мамами, время увольнения заканчивалось, пришлось возвращаться в часть неудовлетворённым. На подступах к КПП встретился полковник Быченков (заместитель командира части по воспитательной работе) – товарищ солдат, почему не на КПП?

– У меня увольнительная.

– Что у вас в канистре?

– Квас, хотите попробовать?

– Не надо, следуйте в распоряжение.

– Есть.

Друзья стали прощаться со мной, пожимали руку, совали пакеты с едой.

– Мы тебе тут приготовили кое – что, пару бутылочек, ну и покушать, давай не куксись.

Пройдя через КПП я понял, что меня неминуемо поймают с пакетом на входе в приёмник, надо что – то делать, чтобы не вляпаться по – глупому. Остановившись у здания ка-

зармы, я начал свистеть – одно из окон, выходящих на плац, было окном бытовки, в ней всегда кто –нибудь был. В окне появилось несколько бритых голов, я стал делать отчаянные знаки, показывая на пакет – заберите кто –нибудь!

– Солдатик! Ты чего здесь стоишь? Почему без шинэлки?

Неслышно подошёл майор «шинэлка», ласковый взгляд, вкрадчивая речь – а что у тебя в пакетике? Пойдем внутрь, там посмотрим.

Он завёл меня в канцелярию, позвал Коржикова, и начал вытаскивать из пакета мои подарки. Дедушка Мороз подарил мне две бутылки грузинской водки «Картли» (жутко вонючая, слабая дрянь с содержанием спирта не больше 20 процентов, шёл 1991 год, другой в продаже не было), пару пачек печенья, упаковку презервативов (вот спасибо!), и блок сигарет «Столичные». Шинэлка не мог скрыть восторга – Коржиков, общее построение!

– Рота, строиться в спальном помещении!

Шинэлка вышел на середину спального помещения, он держал в руках небольшую авиационную бомбу.

– Солдаты! Давно хочу задать вам вопрос – что делает мужчину мужчиной? Огромный, как батон докторской колбасы, мясистый член? Нет! Потные, лоснящиеся, гигантские, говяжьи бицепсы? Тоже нет! Вот! – он триумфально взмахнул бомбой – вот что делает мужчину мужчиной!

«Седой» иронически улыбался – ну, теперь буду знать, в следующий раз обязательно захвачу с собой на свидание, без

бомбы я не мужик...

– Издревле существовало три профессии – врач, учитель и военный. Всё остальное – порнография и извращение. Обязанность настоящего мужчины – защищать свою родину. «Мускул свой, дыхание и тело, с пользой тренируй для военного дела» – лозунг, который висит у нас на плацу. Ваша главная задача – заниматься боевой подготовкой, перед лицом общего врага, мы должны представлять собой монолит, мы должны быть едины, иначе нам не победить! Почему Советский Союз победил Гитлера? Потому что Сталин перед войной уничтожил пятую колонну – всю эту хлюпающе – хрюкающую троцкистскую сволочь, всех этих капитулянтов Зиновьевых, Каменевых и прочих Бухариных. Кстати о бухании – в то время как натовские базы неумолимо приближаются к нашим границам, один из наших бойцов пронесит в расположение водку!

По рядам бойцов пронёсся лёгкий, едва заметный шорох, все как – то подобралось, ведь речь идёт о важных вещах – о водке!

– В чём главная опасность его (не побоюсь этого слова) – преступления? Допустим, тебе удалось пронести эту косорыловку в роту, ты сам напился, угостил товарищей – ты же не жлоб, ведь не стал бы давиться водярой в туалете, в одиночку, правильно? И вот, вы все напились, вспомнили гражданку, а в этот момент, Америка наносит ядерный удар! А вы – пьяные сволочи, не в состоянии выполнить свой долг, Роди-

на, наша многострадальная Родина, осталась беззащитной, благодаря тебе! Приходите, берите нас голыми руками, все защитники Отечества валяются пьяные! Ты – не просто правонарушитель, ты хуже, ты – диверсант! Ты подрываешь обороноспособность страны, в военное время я бы отдал приказ тебя расстрелять, но к несчастью сейчас – время мирное, и ты останешься жив. Но! Только в том случае, если искупишь свою вину! Дневальный! Неси ведро!

Дневальный принёс ведро на три четверти наполненное водой. Шинэлка торжественно и очень профессионально (словно тамада) сорвал крышку с бутылки и протянул её мне – на!

– Пить?

– Есть! Ты чего – правда такой тупой, или притворяешься – лей в ведро!

– Водку? В ведро?

– Именно.

– Я...я не могу...

Шинэлка подошёл ко мне вплотную, и заорал прямо в ухо – таарищ салдат, я приказываю вам вылить это в ведро!

Строй замер в ожидании, Кочан нервно облизывал губы, Седой неуверенно улыбался.

– Лей! Быстро!

Я отвернул голову вправо, и, зажмурив глаза, наклонил бутылку в сторону ведра.

–Куда льёшь? Глаза открой!

Первая порция пролилась мимо ведра, прямо на пол. По рядам пронёсся негромкий полувздок – полустон.

– Лей!

Я покорно вылил остатки в ведро.

– На, держи – он услужливо подавал мне вторую бутылку, в голове мелькнула отчаянная мысль, а что если приложить к губам и... сколько я успею отпить до того, как меня остановят, вырвут бутылку из рук, потащат на гауптвахту?

– Давай, лей!

Содержимое второй бутылки воссоединилось с содержимым первой.

– И знай, сынок, я спас тебя от крупных неприятностей, теперь ты мне обязан, я буду пристально следить за дальнейшим прохождением твоей службы, можешь меня не благодарить. Теперь бери это ведро, неси его в туалет и выливай в очко.

Опустошённый, я поплёлся по направлению к туалету, занимаясь сложными подсчётами в уме – ведро вмещает десять литров, водой оно наполнено где – то на три четвёртых, значит – литров семь воды на литр водки, если отпить прямо из ведра – каков будет эффект?

Зайдя в туалет, я остановился и поднёс ведро к носу – слабый запах сивухи присутствовал, ну чего – рискнём?

– Понимаю о чём ты думаешь, но у нас нет времени на подобные глупости – шинэлка был бесшумен, как какой – нибудь ниндзя, и неслышно возник за моей спиной – пошли.

Он увлѣк меня к очкам – выливай.

На выходе из туалета меня поджидали Седой и Кочан.

– Ну, ты и облажался! Ты чего – совсем лох? Как он тебя подловил?

– Да пошёл ты. Я свистел снизу, кричал чтобы кто –нибудь вышел и забрал пакет, ни одна сука не вышла, посмотрели в окошко – и всё. А этот ... подкрадывается как на мягких лапах, сцапал меня прямо у входа, и в канцелярию, остальное вы видели.

– Две полбанки... в ведро! Да за это убивать надо!

– Согласен. Но у меня есть мыслишка о том, как нам отметить присягу.

– Ну и как же? Портянок нанюхаться до одури? Говорят у этого нерусского – узбек он, или кто там ещё, говорят у него забористые портянки, в сушилку не войдёшь – с ног валит! А может, я тебе просто между рогов заеду – тебе и захорошеет?

– Кочанчик, ты конечно пацан серьёзный, но быковать здесь не надо, я же сказал – у меня есть идея.

После отбоя, мы прошлись по тумбочкам, и собрали неплохой урожай – три флакона розовой воды (некоторые сохранили сибаритскую манеру смазывать нежные щѣчки после бритья), и несколько флаконов одеколona.

– Ну, за хороших людей, нас осталось всего трое, за нас пацаны!

Розовая вода оказалась очень мягкой, пилаь легко и оставляла приятное послевкусие (чисто дамский напиток,

рекомендую – угощайте ваших прелестниц). Причащаться одеколоном мы как – то не решились, у Кочана был неудачный опыт, он отговорил нас от этого, как только элитный напиток начал оказывать своё благотворное воздействие на наши организмы, в туалет вбежал дневальный (предусмотрительно поставленный на шухер в бытовке) – быстро по кроватям, Шинэлка идёт!

Шинэлка выслушал доклад дежурного по роте, и пошёл по спальному помещению, периодически он останавливался, нагибался к лежащему, и проделывал какие – то манипуляции, я (со своего второго яруса) пытаюсь понять – что делает этот трезор? Когда он подошёл к соседней кровати, я разглядел – старая сволочь щупает пульс, пытаюсь определить, спит солдат или притворяется. Пытаюсь дышать размеренно, закрываю рот и дышу носом (чтобы бдительный майор не уловил алкогольных паров), сердце бешено колотится, если шинэлка пощупает мой пульс – я попадусь второй раз за день. Он задумчиво постоял у моей койки, развернулся и пошёл по направлению к канцелярии.

– Ну, чё, ушёл? – Седой хотел продолжения банкета.

– Не знаю, сходи посмотри.

Седой пригнувшись, побежал по проходу, и очень быстро вернулся назад.

– Ты чего?

– Он в канцелярии сидит, сука такая, срывает нам застолье.

– Подождём.

Минут через сорок, Седой повторил свой забег, результат тот же.

– Ладно, давай спать, продолжим в следующий раз.

Заново прокручивая в голове события дня, я отчаянно вертелся на постели.

– Слышь, ты чего там – трахаешься? Чего дёргаешься? Пришли и мне кусочек пиздятины, хоть бы пару раз ширнуть...

– Правую руку свою ширни, можешь даже не пару раз, а больше...

– А может, я к тебе на второй ярус запрыгну, и поностальгируем вместе, а?

– Иди к Шинэлке подкати, поностальгируй, остряк...

Ещё одно преимущество розовой воды – отсутствие утреннего похмелья, с утра нас ждала бодрящая зарядка – бег с голым торсом вокруг ароматно благоухающей столовой, гусиный шаг на плацу (любимое упражнение Коржикова, стоит кому –нибудь встать в полный рост, тут же следовала команда «отставить», все возвращались на исходное положение в начало плаца, и процедура повторялась вновь, пройти плац полностью удавалось раза с восьмого, полученного заряда бодрости хватало на целый день). Старшие товарищи (солдаты прослужившие дольше нас) не оставляли нас своим вниманием и заботой, как только мы входили в столовую, со всех сторон раздавались бодрящие, вселяющие

уверенность в завтрашнем дне крики «вешайтесь», стук металлических мисок об столы, свист – мы были окружены сочувствием и любовью. Самые гостеприимные люди работали на раздаче, особенно добрым самаритянином был один светленький сержант, заботясь о том, чтобы мы не набирали лишнего веса, и не страдали от одышки и сопутствующих ожирению явлений, он всегда накладывал нам такие микроскопические порции, что ими с трудом можно было бы насытить и воробья. Седой пытался возмутиться, его энтузиазм был тут же вознаграждён – ему в голову полетела тарелка, только реакция спасла его от повреждений. На просьбу Кочана положить ему мяса, последовал совет пососать клинтор старой бабки, легко понять, что походы в столовую очень быстро стали нашим любимым времяпровождением.

Приближалось время распределения по ротам, Седой и Кочан были счастливыми обладателями водительских прав, и поэтому считали, что комфортная служба в автороте им обеспечена, и поглядывали на меня снисходительно, как на человека, не имеющего перспектив в жизни. Шёл последний день нашего пребывания в приёмнике, мы сидели в ленинской комнате, ожидая распределения, в дверях появился сияющий Кочан.

– Ты чего это такой радостный, знаешь чего о распределении?

– А как же! Вам лохам со мной не сравниться.

– Куда тебя? В штаб что – ли?

– Почти. Домой. К маме.

– Что? Ты чего Кочанишка? Слишком долго в туалете пробыл? Нанюхался?

– Пошёл ты, меня комиссовали, папаша надавил на нужные рычаги, гудбай неудачники!

– А что у тебя, болезнь какая – то? Ты же здоров!

– Порок сердца третьей степени, я практически при смерти, будете доставать меня, умру прямо здесь, но предварительно обдам вас залпом дерьма – мышцы расслабятся перед смертью.

– Ну ты и гнида, и ведь молчал всё это время, слышь Седой, давай оставим нашему товарищу памятный знак, пусть вспоминает о военной службе, а?

– Это ты о чём?

– Прделаем ему в заднице дыру размером с арбуз, ты недавно просил ширнуть пару раз, твоя мечта близка к осуществлению, давай я его подержу, а ты расслабься, сбрось напряжение...

– Я тебе «подержу», ты чего городишь, сука, я вас обоих на тот свет отправлю!

– Ты посмотри, и это человек с пороком сердца третьей степени, тебе нельзя напрягаться, сердечко не выдержит, и мама получит тебя в красивом, чёрном пакетике, будь мягче, сделай товарищам приятное...

– Да вы чего, сбрендили оба – Кочан вскочил на ноги, и пытался сорвать с себя ремень, я просунул руки подмыш-

ки Кочана и заблокировал его голову сзади (сведущие люди называют этот приём двойным нельсоном), Седой неспешно поднялся, снял ремень, и ласково взяв Кочана за круглую щёку правой рукой, левой расстёгивал штаны, Кочан обречённо взвизгнул, и попытался вырваться. Все присутствующие в ленинской комнате с интересом наблюдали за происходящим, я почувствовал, что тело Кочана обмякло, и его стало трясти.

– Кочанчик, ты чего – плачешь, брателло, да мы рады за тебя, поздравляем!

Я развернул его к себе для того, чтобы по – дружески обнять, и получил удар в солнечное сплетение, от неожиданности я даже присел, было очень больно, из глаз текли слёзы, очень легко, без всяких усилий, словно вода. Кочан стремительно выбежал из ленкомнаты.

– Ммм, мне кажется, что Кочан нашей шутки не оценил, совсем.

– Ыгы...мм

– Что ты сказал? Прости, не всё разобрал.

– Сссс...

– А, ну да, точно, я думаю также, полностью согласен!

– Ссссука...

– Точно – точно! Ты просто гений красноречия!

4.

Шинэлка долго зачитывал список фамилий – все вышеназванные распределены в роту охраны, берём шинэлки и вы-

ходим строиться!.

Рота охраны встретила нас тишиной, в расположении был только дневальный, и дежурный по роте, он неторопливой, модельной походкой (одна косолапая нога перед другой) подошёл к нам, улыбнулся (продемонстрировав отсутствие передних зубов), и гостеприимно прошамкал – шафки ффанные, – и исчез из поля зрения.

– Чего он сказал?

Дневальный чётко, как и положено военному произнёс – старший сержант Пыжиков сказал, что вы все – сявки ссаные, добро пожаловать во Вторую РО и ХЗ!

Воодушевлённые оказанным приёмом, мы расселись в спальном помещении, ожидая дальнейших указаний. Спальное помещение делилось на две части, в отличие от приёмника, кровати здесь были одноярусные, побродив по помещению, мы обнаружили тренажёрный зал (в самом конце казармы).

– Класс! Буду ходить качаться! – мечтал маленький, коренастый крепыш с татуированными предплечьями. Прошло два часа, нас никто не бил, над нами не издевались, потихоньку мы стали осваиваться, служба уже не казалась такой страшной. Помещение наполнилось людьми незадолго до обеда, на нас никто не обращал внимания, складывалось ощущение, что нас просто нет. Людские ручьи обтекали нас, не задевая, солдаты смотрели сквозь нас, мы будто бы превратились в невидимок. После обеда к нам подошёл здоро-

венный ефрейтор, старательно глядя в сторону, он брезгливо произнёс – в бытовку все, бегом!

– Чего?

– В бытовку я сказал! Бегом, бля!

Вломившись всей толпой в бытовку, мы обнаружили там двоих солдат, сидевших на табуретках. Говорить начал тот, что был повыше и помощнее, темноволосый, круглолицый, с вывернутыми наружу губами, он презрительно сжегивал слова, с трудом сдерживая ненависть.

– Вы, душня ебаная, оказались во Второй роте охраны и химзащиты, наша главная обязанность – несение караульной службы, мы ходим в караулы через день (через день на ремень) и порядком заебались, поэтому, вы должны как можно быстрее выучить устав, и начать ходить в караул, чтобы мы с Филей (он мотнул головой, в сторону сидящего на табуретке товарища) могли отдохнуть. У нас тут зверья нет, никто не будет вас долбить просто потому, что вы – духи, но это не значит, что вы здесь будете шарить (шарить – отличное армейское словечко, означает «бездельничать»), всё, что приказывают «старые» – исполнять бегом, если не будете залупаться, всё у вас будет нормально, никто вас и пальцем не тронет. До полугода, вы – духи, прослужили шесть месяцев – пряники, год – черпаки, полтора – ветераны...

– Самое главное (с табуретки встал второй, голубоглазый, светловолосый, непристойно и неприятно улыбаясь) – вы попали в роту охраны, а это значит, что никто, ни один пидор

из другой роты, будь он хоть дед, хоть дембель, не может вас чмырить, посылайте на хуй любого, не можете дать ему по пиздюлятору, говорите мне, или Пиночету (он мотнул головой в сторону губастого), мы разберёмся, это понятно? Наша рота держит шишку в этой сраной части, всех остальных я видал... (далее следовал подробный рассказ, где именно он всех видал). Всё остальное догоните по ходу, свободны!

Рота состояла из четырёх взводов, первый и второй несли караульную службу, третий был комендантским – несли службу на КПП, четвёртым и самым маленьким по численности, был взвод химической защиты. Я попал в первый взвод, командиром второго взвода был долговязый прапорщик по прозвищу «Папик», чутко поводя усами, он обошёл новобранцев, мне показалось, что он принохивается к ним, выясняя – от кого из них можно ожидать неприятностей. Всех вновь прибывших, он передал в попечение здоровенного старшего сержанта Руслана Дудуевича, в то время как мы (первый взвод) спокойно учили устав, или чистили оружие, второй взвод мужественно нырял носом на пол под выкрики «вспышка справа», «вспышка слева», изображал слоников, выполняя команду «газы», или наслаждался процессом облачения в ОЗК. Мы мирно разбирали СКС, и в этот момент, какой – то дед в растянутом свитере толкнул меня под руку, и пробурчал – неправильно делаешь...

– Тебе чего, старый? Иди куда шёл, учить он меня будет, я этот карабин могу с закрытыми глазами собрать – разо-

брать...

Сержант из нашего взвода зажал нос и рот рукой, покраснел, и, фыркая, отбежал в сторонку, чтобы спокойно посмеяться, дед шарахнулся от меня, и ушёл в сторону канцелярии.

– Чего? Чего такого я сказал?

– Ничего – ничего, всё правильно, а то ходят здесь всякие...

Дневальный громко выкрикнул мою фамилию, сопроводив её командой зайти в канцелярию.

– Разрешите войти?

– Заходи.

Из – за стола энергично встал, и пружинистой походкой подошёл ко мне светловолосый капитан.

– Злобарь – знакомая фамилия... пьяница? Самовольщик? Это у тебя в приёмнике были проблемы со спиртным?

– Никаких проблем, подходишь и берёшь... подходишь и берёшь...

– А ты ещё и шутник... знакомься – он указал рукой на старика в растянутом свитере – командир первого взвода, старший прапорщик Андреич! Начальство надо знать в лицо! Для того чтобы улучшить тебе зрение, объявляю тебе наряд на службу вне очереди!

– Есть наряд на службу вне очереди!

Краснолицый, нос в форме турецкого ятагана, через слово сплёвывающий на пол, постоянно дёргающий левым плечом

(работа нервная) старшина Бейвнос был местной знаменитостью. Старшины других рот пугали им своих солдат, подобно тому, как матери пугают непослушных детей Букой – вот придёт Бейвнос, и порвёт вас на сотни маленьких, вопящих от боли солдатиков. Говорили, что он проходил срочную в нашей части, и искалечил двух дедов, пытавшихся припахать строптивного молодого. Он был счастливо женат, имел злобную жену (огромную белобрысую бабищу, носившую пару очаровательных, детских, розовых бантиков в сложно закрученных волосах) и дочечку Виту, нежное, воздушное, семипудовое создание, частенько звонившее по телефону в роту, и требовавшее папу к телефону, густым мужицким басом. Те, кто имел счастье видеть Виту вживую, говорили, что она вся в папу – усата, краснолица, и куртуазна в общении. Удивительно, но проводя свою жизнь в компании таких хрупких бутонов, Бейвнос всегда приходил из дому в плохом настроении. После доклада дежурного по роте, он неторопливо обходил спальное помещение, на взлётку летели, брошенные мощной рукой старшины мыльные принадлежности (лежащие не в том отделении тумбочки), спрятанные под матрасом носки, небрежно висящие шинели, слышался треск отрываемых шевронов (небрежно пришиты). Удовлетворив бросательный рефлекс, старшина переходил к ударным тренировкам, дежурный по роте мог получить удар в грудь кулаком, или маленькой, засаленной, пластиковой клюшкой весёлого оранжевого цвета по голове, спине, или ногам. Уни-

чтожив наряд морально (или физически, в зависимости от настроения) Бейвнос приходил в доброе расположение духа, становился весел и игрив. Утренний разнос, был для него своеобразной психотерапией. В день моего первого наряда, старшина был благодушен и мягок.

– Выходим на инструктаж.

Заступающий наряд в составе сержанта Пыжикова (того самого, беззубого красавца), рядового по прозвищу Бубер, и меня, выстроился рядом с курилкой, у входа в казарму. Бубер (низкорослый амбал с гигантскими, перевитыми венами предплечьями) громко, не стесняясь присутствия старшины, прогудел – щас опять про говно втирать будет.

– А как же, именно, именно! Старшина ласково, по – отечески глядел на меня – скажи мне, рядовой, сколько водки должен выпить солдат за два года службы?

– Сколько влезет, товарищ старший прапорщик!

– Молодец, а какая самая главная обязанность дневального?

– Следить за порядком в расположении роты?

– Неправильно! Сразу видно, что ты – молодой, и службы ещё не знаешь. Главная обязанность дневального – следить за чистотой очек!

– За чистотой чего?

– Толчка! – голос старшины обрёл силу и мощь.

– Один посрал и не смыл за собой, пришёл второй, навалил котяхов, желудки у вас как у котят, а срёте вы как лоша-

ди – огромными кучами, иной раз заходишь в туалет и удивляешься – какую жопу надо иметь, чтобы срать такими поленьями? Шпалы из дерьма лежат, такими узкоколейку вымостить можно! Дерьмо прессуется, лежит слоями!

От криков старшины трусливо примолкли птицы на деревьях, проходившие мимо молоденькие связистки, услышав рычащее, раскатистое «деррррьммо» испуганно шарахнулись в сторону, не обращая на них внимания, старшина продолжил.

– Для того чтобы дерьмо не прессовалось (Бубер устало закатил глаза) дневальный должен раз в полчаса, налить в тазик воды, и смыть во всех очках, а затем пройтись по ним кирпичиком, хлорочкой, очки должны блестеть как у кота яйца! Вы привыкли пёзды вонючие щупать, да стаканы опрокидывать, ни хуя делать не хотите, всё ноете, словно маленькие девочки – «этого нет, того нет, работать не можем», а здесь девочек нет! Здесь есть мальчики с большими хуями, и главная ваша обязанность – чистота очек!

От последнего вопля старшины, жалобно дзинькнули стёкла первого этажа. Про Ричарда Львиное Сердце писали, что он был обладателем настолько мощного голоса, что от его криков приседали кони, сдаётся мне, что (по сравнению с Бейвносом) он был просто писклявым кастратом.

– Всё понятно?

– Так точно!

– Пыжиков, отгадай загадку – залупился и висит?

– Не знаю.

– Жёлудь. А ещё одну. Залупились, и висят?

– Жёлуди.

– Декабристы. Надо было историю учить в школе, глядишь и в армию не попал бы. Инструктаж окончен.

5.

Все заступающие в наряд, караул, на КПП, выстроились на плацу. Дежурный по части, круглолицый, с отливающими синевой, гладко выбритыми, круглыми щеками, рассматривал стоящее перед ним воинство через толстые очки, нижняя губа его была брезгливо оттопырена. Бубер пробасил – Муся – фашист сегодня дежурит, жди каких –нибудь гадостей. «Муся – фашист» неторопливо следовал вдоль строя, выборочно спрашивая обязанности дневального, дежурного по роте, дойдя до роты охраны, он остановился, и сладострастно прикусив губу, произнёс.

– Газы!

Все заступающие в караул, мгновенно одели противогазы. «Муся» стал рыться в подсумке ближнего к нему солдата, и вытащил оттуда пакет с белым порошком – отставить газы!

– Это что?

– Протеин.

– А – а, знаю – знаю, протеин, кокаин, героин...

– Да нет, я качаюсь, мне для набора массы надо...

– Качаешь? По вене что – ли?

– Товарищ майор...

– Этот мешок я отдам командиру роты. Пусть этот ваш ММ – м Чмырепан, разбирается. Правую ногу к осмотру.

Все покорно вытащили из сапог правую ногу.

– Носочки носим! Не по уставу. Я снимаю вас с караула, вы не готовы к заступлению, пусть ваш ротный зайдёт в штаб.

«Муся» спокойно прошёл до конца строя, репрессии закончились, остальные роты заступили в наряд в полном составе.

– А чё, у нашего ротного фамилия Чмырепан?

– Нет, он Мазепан, просто у них с «Мусей» какие – то тёрки, ещё с училища, они друг друга ненавидят, да ещё Мазепан у него жену увёл с двумя детьми, при каждом удобном случае «Муся» ему гадит.

– Так что, караул не заступит сегодня?

– Заступит, Мазепан ходит в штаб, поорут друг на друга, и всё устаканится.

По возвращению в роту, Пыжиков распределил обязанности: ты (он указал на меня) – дневальный свободной смены, принимаешь наряд, ты – на тумбочку. Не успел я насладиться свободой, как Бубер проорал «дневальный свободной смены».

– Встань на тумбу, я покурю пойду.

Больше в этот день я его не видел, все мои крики остались без ответа, изредка, привлечённый моими воплями, из ленинской комнаты вылезал заспанный Пыжиков, посмотрев

на меня мутными спросонья глазами, он возвращался обратно, ко сну. После отбоя Пыжиков сменил меня на тумбочке – иди, порядок наведи.

– А где этот, Бубер?

– Да он старенький уже, спит где –нибудь, не будем беспокоить ветерана.

Порядок я навёл быстро, дел было всего ничего: вычерпать совком воду с пола в умывальном помещении, протереть полы, выровнять шинели, начистить очки, и ... всё.

– Теперь слушай (неповторимая дикция сержанта меня восхищала – феферь фуфай), сегодня дежурит «Муся – фашист», он любит прийти часика в три, украсть огнетушитель, штык – нож, или ещё что –нибудь, как услышишь скрип двери на первом этаже, выглядывай в просвет, иди сюда – видишь?

Я заглянул между лестницами – были видны перила и часть лестницы.

– Если видишь офицерский погон, будишь меня быстро, сразу, в прошлое дежурство Муси, это животное украдо у дневального штык – нож, Мазепан меня утром за яйца схватил и таскал по всему спальнику, хочешь, покажу – до сих пор синева не прошла! Показать?

– Нет, спасибо, не надо.

– Ну, всё, не скучай, я в первом спальнике, на комендантских кроватях, если чего, ори громко, да, и Муся любит подняться потихоньку, и приложить свой палец – сардельку к

жирным небритым губам (у него щетина отрастает за полчаса, вечером уже бородатый), дескать, не зови дежурного по роте, так вот, не ведись на эту хрень, ори громко – громко, понял?

– Понял.

– Всё давай, «мужественно преодолевай все тяготы и невзгоды военной службы». В два часа разбудишь Бубера, пусть сменит тебя.

После отбоя, жизнь в воинской части только начинается. Из качалки вышла группа гориллообразных качков, голые, потные, поигрывая рельефными татуированными мышцами, они, светски беседуя, проследовали в умывальное помещение, где начали весело плескаться ледяной водой, звуки были такие, будто стадо бегемотов одновременно прыгнуло в реку. Напрудив целое озеро, качки скрылись в спальном помещении. В канцелярии расположилась группа дедов – хомяков, они поставили чайник, разложили еду, вызвали одного пацанчика с моего призыва и отправили его в столовую, за хлебом и мясом. Он вернулся с пустыми руками, и тут же был отправлен обратно, видимо текст повторного послания был более убедительным, гонец пришёл гружённый свёртками со жратвой. Несколько человек расселось возле телевизора, громко гогоча над одесскими комиками из «Маски – шоу». В спальном помещении несколько энтузиастов обступили турник – состязались в «американку». Со второго этажа поднялся расстрёпанный связист – слышь, зёма, у вас ги-

тара есть?

– Не знаю, а что?

– Да у меня конфликт вышел там, внизу, с уродом одним...

– И что?

– Как что? Ща, гитарой по башке заеду ему, что останется от гитары, верну тебе.

– Ты серьёзно?

– А чё, похоже, что я шучу? Где гитара?

– Не знаю.

– Слышь, а чё ты мне полчаса мозг выносишь? Гитару давай!

– Ты бы шёл отсюда, покуда ходить можешь.

– Шо? Ты шо, салобон?

Связист делает шаг вперёд, замахиваясь кулаком из – за спины, ярываю дистанцию, и бью его правым прямым подбородок, он оседает на пол, словно наткнувшись на невидимую стену, его моментально начинает рвать. Из канцелярии неспешно выходит старослужащий – чего тут? А, Гаврила, что это с ним?

– Выпил, наверное, затошнило.

– Ты давай, уберись тут, а то мы ужинать собрались, а тут блевотиной воняет.

Я стаскиваю мычащего связиста на второй этаж, и оставляю у входа в роту, поднимаюсь наверх и начинаю убираться.

– Зольдатик! Хайль Гитлер!

У входа в роту, счастливо улыбаясь, стоит абсолютно пьяный солдат, с изуродованным шрамами, угрями лицом, похожим на драчёвый напильник.

– Позвони дежурному, скажи, что я пришёл. . .

Он бредёт в сторону спального помещения, дирижируя невидимым оркестром.

– А ты кто?

«Дирижёр» не отвечает мне, и скрывается в спальнике. Я заглядываю в канцелярию – кто этот ужравшийся, с такой страшной как рашпиль, мордой?

Деда заливаются от восторга – Рашпиль, бля! В точку, я его завтра заебу этой кликухой! Это банщик. Звони дежурному по части, доложи, что он пришёл.

Пока я докладываю дежурному о баншике, снизу слышится грохот пружины – кто – то вошёл в дверь. Выглянув в просвет, я вижу офицерский погон – шухер, дежурный по части! Деда, матерясь, бегут в спальное помещение. Муся – фашист поднимается по лестнице медленно, часто останавливаясь для того, чтобы передохнуть, встретившись со мной взглядом, он мило улыбается и прикладывает упитанный пальчик к губам – не зови дежурного по роте, мы же свои люди! Я улыбаюсь в ответ, утвердительно киваю головой, и как только он заносит ногу над порогом, оглушительно ору – дежурный по роте на выход! Муся огорчённо смотрит на меня – как же так, мы же договорились? Я смотрю ему прямо в глаза, и при этом сочувственно улыбаюсь, из спальника вы-

ходит Пыжиков, на его лице вмятины от подушки, в уголке рта повисла ниточка слюны, спросонья он неправильно надел шапку, кокарда (которая должна быть по центру) расположилась над ухом героя.

– Сладко спите, товарищ сержант.

– Никак нет, я не спал (сиплым спросонья голосом бормочет Пыжиков).

– Головной убор поправьте, а то не по уставу одет.

Пыжиков исправляется, и вместе с Мусей уходит в спальное помещение, они быстро возвращаются, Муся уходит, по его лукавой ухмылке видно, что он задумал какую – то гадость.

– Сколько время?

– Без пяти два.

– Ага, буди Бубера, только убедись, что он проснулся, и можешь отбиваться, всё я в спальнике, а, отзвонись в первый караул, скажи, что Муся ушёл, пусть ждут. Не успеваю я снять трубку телефона, как она начинает дребезжать – дневальный второй роты охраны и химзащиты, рядовой... Меня перебивает тягучий, невыносимо порочный голос похотливой самки

– Солдатик, мне так одиноко, я лежу одна, в холодной постели, абсолютно голая, молодая, сексуальная, и рядом нет никого, кто мог бы скрасить моё одиночество... а тебе, тебе не одиноко, а? Солдатик, тебе не хочется тепла, ласки, любви? Я глажу своё прекрасное тело, и чувствую, как нега охва-

тывает меня, я становлюсь влажной, моим щекам горячо...

– Кто там?

– Баба какая – то, рассказывает о том, что она стала влажной...

– Посылай её, тут полно таких пиздострадалиц, каждую ночь звонят, одни разговоры, а толку никакого.

– Алё, слышь, как там тебя – за щеку возьмёшь?

– Чтооо?

– Любишь сосать большой, тёплый...

– Урод!

В трубке пошли короткие гудки, Пыжиков сладко заулыбался – а ты – молодец! Давай, звони в караул!

Отзвонившись, я разбудил Бубера, тот поплёлся в канцелярию, и завалился на стол, решив, что это не моё дело, я спокойно пошёл спать. После завтрака Бубер проорал своё «дневальный свободной смены», и исчез из поля зрения. Бейвнос поднялся по лестнице, поплёвывая на пол, и дёргая плечом сильнее обычного, опытный Пыжиков, распознав эти неблагоприятные симптомы, скрылся в спальнике.

– Дневальный, сколько огнетушителей должно быть в роте?

Я быстро бросил взгляд на стоящую у входа стойку с огнетушителями – четыре.

– Правильно, а в наличии только три, вопрос – где ещё один огнетушитель?

– Его на пожарку унесли, заряжать.

– На пожарку? Заряжать? Да я его лично заряжал месяц назад, ты чего городишь?

– ?!

– Где огнетушитель? А? Товарищ солдат? Вы дневальный или где? Не можете объяснить? Снимаю вас с наряда, сегодня заступите снова. Дежурный по роте! Смени этого... на тумбочке...

Пыжиков встал вместо меня – где огнетушитель?

– Да я откуда знаю, в моё дежурство был на месте, у Бубера спрашивай.

Старшина вышел из каптёрки – эй ты, как тебя там, бери лопату со мной пойдёшь.

В сушилке стояло несколько сломанных лопат, и ни одной целой, я в замешательстве замер.

– Чего копаешься?

– Да тут ни одной целой лопаты нет, все сломанные...

– А тебе нужна с голубой каёмочкой, и чтобы пиздятиной пахла, да?

– Ну да, неплохо бы.

– Бери любую. Пошли.

Старшина привёл меня на малый плац (малый он был по сравнению с большим), располагавшийся за казармой.

– Вот твой фронт работ, к обеду доложишь о выполнении.

Плац был завален снегом, сюда не ступала нога человека с лопатой, чтобы убрать его, понадобится несколько жизней.

– Насчёт огнетушителя, дежурный по части звонил мне,

и сказал забрать огнетушитель из штаба. Он его ночью спёр, пока ты спал.

– Я не спал.

– Значит кто – то другой проспал, неважно. Запомни сопляк, в армии ебут не за то, что ты сделал, а за то, что ты паляшься. Ты спалился, тебе и отвечать.

– Я не спалился.

– А кто? Бубер? Мне сказать ему, что ты на него стрелки перевёл?

– Ничего я не переводил.

– Тогда чисти снег, в шесть часов заступишь заново.

6.

Старшина затаил по отношению ко мне тёплые чувства, каждое утро он методично снимал меня с наряда, и вечером я заступал вновь. Таким образом, я спал по четыре часа ночью, и ещё полтора перед заступлением. Мотивировав меня подобным образом, старшина добился того, что меня охватило чувство горячей любви к людям, я был полон гуманизма и человеколюбия.

– Слышь, ты, вещмешок понеси.

– С какого перепуга?

– Чего? Борзеешь, душара. Слышишь Пиночет, у нас тут дерзкий типок нарисовался.

Пиночет плотоядно улыбнулся, и облизнул вывернутые губищи.

– Не будешь нести вещмешок?

– Нет.

Я остановился на верхней ступеньке, прикидывая в уме – кого из них первого ударить ногой, пользуясь тем, что я стою выше, чем они. Филя спокойно смотрел на меня со своей обычной, непристойной улыбкой, ситуация забавляла его.

– Хорошо, в туалет приходи, через пять минут, придёшь?

– Угу.

Правую часть туалета занимали кабинки, Филя курил, положив на дверь кабинки левую руку, Пиночет стоял у дальней стены.

– А ты – наглый, люблю наглых, сам был такой, пока не попал сюда. Тебя чего, ещё не били?

– Били.

– Слабо били, не били, а гладили. Когда мы с Пиночетом были духами, здесь был дед такой, Брызжик, очень любил, чтобы ему перед сном сказки рассказывали, без сказки не засыпал, если повторяешь одну и ту же сказку, он сердится. А когда Брызжик сердится, то он берёт гантелю и бросает её в спальное помещение – кому повезёт. Здорово, да? Ты спишь, а тебе в голову десятикилограммовая гантеля прилетает – сюрпрайз! Если сказка казалась ему скучной, он снимает дужку с кровати, и ебашит тебя по голове – веселее давай! Приколист был этот Брызжик, бил и приговаривал – думай позитивно! Клёво, да? Пиночет, покажи ему.

Пиночет повернулся спиной, раздвинул волосы на затылке, и я увидел несколько уродливых шрамов, беспорядочно

пересекающих кожу головы.

– Пиня никогда не умел сказки рассказывать.

– Трогательно.

– Угу, а ещё у нас с Пиней шишки на груди были, незаживающие, синего цвета, и фанера дышала, можно было рукой подвигать туда – сюда, Брызжик отрихтовал.

Филя был мастер разговорного жанра, его речь журчала как ручеёк, слова лились нескончаемым потоком, скоро я перестал понимать их смысл, и видел только движение его губ, ход времени замедлился, очертания предметов утратили чёткость, несильно кружилась голова, руки налились тяжестью, я не смог бы поднять их даже на уровень груди...

– ..называется кайфуцу!

Филя ударил коротко, без замаха, ощущение было такое, будто я на скорости налетел на бетонную сваю – невозможно вдохнуть и выдохнуть, удар пришёлся точно в грудину, сердце замерло, я сползаю на пол, и вижу кафельную плитку пола, близко – близко перед глазами красные и жёлтые плитки, расположенные в шахматном порядке. Филя приседает рядом, и с интересом заглядывает мне в глаза, его губы продолжают шевелиться, я не слышу ни звука, только шум крови в ушах. Меня хватают за шиворот, и ставят на ноги, неожиданно появляется звук.

– Дыши.

– Что здесь происходит?

Мазепан стремительно входит в туалет, загорая вы-

ход.

– Заходим мы с Пиночетом сюда, для того, чтобы справить естественные надобности...

– С каким ещё Пиночетом? С чилийским диктатором, что ли?

– С Пиней... то есть, рядовым Вафиным, так вот, заходим мы, а оно лежит тут поперёк прохода, дорогу загораживает, ну, мы и подняли это тело, прислонили к стене.

Мазепан подходит ко мне вплотную, я вижу сиреневые прожилки на крыльях его носа – тебя били?

Я отрицательно мотаю головой, речь ко мне ещё не вернулась.

– Точно?

Я мотаю головой утвердительно.

– Свободны. Шагом марш отсюда, оба, ты останься.

Филя и Пиня неторопливо, без суеты обходят ротного, и мы остаёмся в туалете одни.

Гоняют? – в голосе командира роты звучит сочувствие. – Я мог бы облегчить тебе прохождение службы, а то я гляжу, несладко тебе приходится, старшина тебя полюбил, чем ты ему досадил, кстати?

Ко мне вернулась способность говорить – я симпатичный, мне кажется, я ему нравлюсь.

– Понятно, и старослужащие к тебе равнодушны, ты окружён всеобщей любовью. Хочешь, чтобы твоя жизнь изменилась к лучшему? Пошлём тебя в школу сержантов, по-

лучишь лычки, ничего тяжелее ложки поднимать не будешь, в карауле на пост выходить не надо, спи всю ночь – красота! Потом в отпуск поедешь, водка, девки, все радости жизни! Уволишься в нулёвку, сразу после приказа, уже в октябре дома будешь! Не служба, а мечта!

– Сладко... сладко поёте товарищ капитан.

– Всё правда, от первого слова до последнего, всё это твое, бери.

– Ага, а взамен, я должен заняться виртуозным стучанием, стук – стук – стук, я – твой друг!

– Какие убогие, нелепые представления о жизни. Ты не стучишь, ты сообщаешь о негодях, совершивших правонарушение, исполняешь свой гражданский долг, это должен делать любой честный гражданин, только так мы можем пресечь неуставные отношения, мы устроим над мерзавцами показательный судебный процесс, отправим их в дисбат, остальные испугаются, и дедовщина будет искоренена! Ну, ты согласен? Соглашайся, и оставшиеся полтора года службы пролетят как один прекрасный день.

– Я в детстве один хороший фильм смотрел, «Кремлёвский мечтатель» называется...

– Я тебя не тороплю, такие решения просто не даются, подумай пару деньков.

– Нечего тут думать, никто меня не бил, у меня был приступ астмы.

– Из чувства ложного товарищества, ты покрываешь опас-

ных преступников. Смотри, дело твоё, не хочешь как хочешь, здесь стукачей достаточно, и заставлять никого не надо, сами приходят, ты бы удивился, если бы узнал, сколько их – десятки!

Мазепан вышел из туалета, оставив меня одного. Я закуриваю, и гляжу в окно, на подступающий к казарме лес, за лесом идёт железная дорога...

Чего он тебе так долго втирал? – Филя неслышно вырос рядом.

– Уговаривал сдать тебя.

– И ты?

– Согласился. Жди вызова в канцелярию, поедешь на дзель.

– Узнаю, что стучишь, на дембель поедешь частями, в отдельных пластиковых мешочках, как Брызжик.

– А что с ним случилось?

– Огромное несчастье, все были шокированы...

– Что за несчастье?

– Смерть молодого, здорового человека – всегда несчастье (Филя деланно, со всхлипом вздохнул). Брызжик стоял в первом карауле, во вторую смену, в четыре часа пришли его менять, и нашли лежащим на железнодорожных путях, дембельнулся в виде фарша.

– Самоубийство?

– Наверное – Филя смотрел на меня, не мигая – разное говорят...

– Рота, строиться на вечернюю поверку!

Филя никак не отреагировал на вопли дневального, я пошёл строиться, порядок был таков: молодые стоят в первых рядах, старые позади. Старшина произносил фамилии, молодые громко выкрикивали «Я», старые негромко сжеживали звук, похожий на «и» краткое.

– Слабенко!

– Я.

– К тебе приехали родители, завтра получишь увольнительную.

– Есть!

Слабенко – парень моего призыва, здоровенный белобрысый бугай из Казахстана, огромные мышцы диссонировали с детским, сморщенным личиком новорожденного младенца. После поверки его плотно обступили.

– Лёха, пожрать принесёшь?

– Без базара.

– И покурить!

– Ясен пень.

– Надо придумать, как всё это заныкать, чтобы деды не нашли.

– Я в тумбочку положу, а там сами разбирайтесь.

– Лады.

– Слышь, ты, сюда иди – Слабенко звали к себе старые. Один из дедов ласково, по – родственному обнял блондинчика за плечи, его дружески тыкали в грудь, смеялись, шути-

ли – когда речь идёт о жратве, даже старые становятся мягкими, и шелковистыми, в тех случаях, когда на горизонте маячит соблазнительный шмат сала, кокетливые кольца варёно – копчёной колбасы, похотливо текущая селёдка... Слабенко вернулся от дедов, воодушевленный оказанным приёмом – придётся с ними делиться, они просили.

– «Просили»? Ты чего, совсем лох?

– Ладно, жратвы на всех хватает, они из самого Казахстана не с пустыми руками приехали!

– Дело твоё.

Утром Слабенко ушёл в увольнительную, нас распределили на работу, пересеклись мы вечером, Слабенко пришёл продлить увольнительную до утра, он шёл из спальника в сопровождении радостно – взволнованных мамы и папы.

– Где?

– В тумбочке смотри.

Армейская тумбочка рассчитана на двоих, небольшая деревянная коробка делится на два отделения, верхний ящик для туалетных принадлежностей, нижний для личных вещей, хранить еду запрещено. Слабенко делил тумбочку с замкомвзвода Барклаем, открыв её, я обнаружил две палки колбасы, банку варенья, и кусок сала.

– Кащей! Кащей! Иди сюда!

– Чего?

– На, запихивай сало под ПШ, я возьму колбасу, варенье придётся нести так.

Захватив с собой третьего друга (кривоногого Самеда) мы несёмся к выходу из казармы, дневальный недоумённо кричит – вы куда?

– Старшина сказал срочно на второе КПП подойти, сказал бегом!

– А, ладно, я вас в расход заношу! (расход – сводная таблица прибывших/убывших, по которой можно точно определить – какое количество военнослужащих находится в рас­положении роты, какое в командировке).

Выскочив на мороз, мы начинаем жевать колбасу, бешено работая челюстями, после колбасы приходит очередь сала, Самед и я, одновременно вгрызаемся в шмат с двух разных сторон, Кашей беззубо хохочет, не забывая совершать глотательные движения – вы как эти, из мультика – «Кто сказал Гав?».

– Жуй – жуй, глотай! Самед, а тебе религия не запрещает свинину есть? Это же харам!

– Не пизди о том, в чём не разбираешься, «харам», нахватался слов, а тебе православному не запахло есть мясо, сейчас вроде пост?

– Чё, в натуре? Я не знал, ну тогда один – один, в мою пользу.

На десерт у нас была трёхлитровая банка крыжовенного варенья, варенье было густое, тягучее, мы давимся, но приканчиваем её, и сыто отдуваясь, поднимаемся наверх, в роту. Первый раз за полгода нам удаётся вдоволь наесться, жизнь

кажется прекрасной и безоблачной.

– Алё, сюда иди – Барклай небрежно машет мне рукой – тебя на гражданке часто били?

– Ну, бывало, а что?

– И каждый раз за то, что брал чужое?

– Чего? Нет, не было такого.

– Куда жратва делась из моей тумбочки?

– А я откуда знаю?

– Знаешь – знаешь, тебя видели, видели, как ты рылся в моей тумбочке.

– Я забрал своё.

– «Своё»? У тебя ничего своего нет, где колбаса, сало, где всё?

– Переваривается.

Стоящий рядом с Барклаем здоровяк пробасил – да чего ты с ним базаришь? Веди в спортзал, отрихтуй его, через пять минут хавка будет здесь, хули там рассусоливать?

– Нет, я хочу разобраться – кто из нас двоих баран, сало-бон считает нас лохами, вскрыл мою тумбочку и издевается, я не верю, что он такой дерзкий. С какого перепугу, ты влез в мою тумбочку, ты знаешь, что бывает с крысами? Последнего, кто у нас крысятничал, засунули в такую тумбочку, и сбросили с третьего этажа, ты тоже хочешь полетать?

– Я – не крыса.

– Чего ты полез в мою тумбочку?

– Она не только твоя, она у вас со Слабенко общая.

– Ну и что?

– Я спросил у него – где еда? Он сказал – посмотри в тумбочке, ну, я и посмотрел.

– Может он про твою тумбочку говорил? Стоять! Сима посмотри в его тумбочке.

Белобрысый старший сержант открыл мою тумбочку, и (под радостный смех дедов) вытащил оттуда четыре батона колбасы, копчёную курицу, здоровенный шмат сала, и две банки варенья.

– Я всё это забираю? Ты как – не против?

– Против.

Дудуевич побагровел от злости – ты с кем тут базаришь, сука? Баркуша, что происходит? Ты что – демократом заделался? Какого... ты время на него тратишь? Душара твою тумбочку вынес, оставил нас без жратвы, чего тут неясного? Какой – то сопляк над нами издевается – он передразнил меня «я против», да я его соплёй перешибу...

– Расслабься Руслан, произошло недоразумение, парень не борзый, он просто перепутал, правильно я говорю, а, душара?

В казарме стало тихо – тихо, с улицы доносился стук работающего генератора.

– Правильно я говорю?

– Нет, не правильно, я из твоей тумбочки в два раза меньше жратвы вытащил...

Дудуевич делает подшаг вперёд, и бьёт меня правым пря-

мым в подбородок, взлётка стремительно приближается, и наступает темнота...

7.

– Что у вас заболело на этот раз, товарищ солдат? Приступ дизентерии? Свинка? Может быть коклюш?

– Полез шторы поправлять, табуретка из – под ног выскользнула...

Бейвнос смеётся довольный

–Сказочник, тебе бы книжки писать!

Мазепан отрывисто бросает, не глядя в мою сторону – пшёл вон отсюда, урод!

Я выхожу из канцелярии пошатываясь, в ушах звенит, меня немного подташнивает, откуда – то сбоку подбегает Фанк (земляк, одного призыва со мной), и начинает сладострастно прищёптывать.

– Чего – то зачастил ты в канцелярию, неспроста это, ох неспроста, видно правильно про тебя говорят – сдаёшь друзей, как стеклотару...

Я бью его правым боковым, попадаю в челюсть, Фанк падает, коротко, по – щенячьи взвизгнув, не оглядываясь на него, я иду в качалку, валюсь на маты, и проваливаюсь в сон...

В столовой меня останавливает Фома (вместе были в приёмнике) – ну, как у вас там дела? Ох, рано, встаёт охрана?

– Блестяще, а как у вас делишки, карданы вонючие?

– Да я в командировке был, первый день вернулся, кра-

сота! Нам, водилам, хорошо, в караулы ходить не надо, не служба, а сплошная шара, все водилы – красавцы, это вы охрандосы все беспонтовые подобрались, жалкое зрелище, вас чего там – ушибают сильно?

– Ты чего – дурак? У нас дедовщины нет, есть старые, добрые традиции.

– Говорят, что у вас ротный на уставе помешан, это правда?

– Не замечал.

– Переводись к нам в автороту, сам себе хозяин, никакого устава, «полетаешь» полгода, а затем...

– Чего ты меня уговариваешь, ты ещё в роте не был, откуда ты знаешь, каково это?

– Да хуже, чем у вас в охране, не бывает, посмотри на ваши постные рожи, как – будто политуры напились на завтрак!

– Зато ты у нас – бодрячок наскипидаренный, тебе не кажется, что ты рано радуешься? Поговорим через пару месяцев, лады?

– Не о чем с тобой говорить, рота у вас лоховская, да и сами вы...

– Не кажи гоп...

На раздаче не было чистых тарелок, я подошёл к окошку мойки – алё! Дай тарелку!

Тарелка полетела мне прямо в лицо, я еле успел выставить вперёд руку, кругляш с надписью «общепит» срикошетировал, и упал на пол, разбившись на мелкие осколки.

– Э, вы чё там, охуели? Чё за...

Я заглядываю в окно, и осекаюсь на полуслове – на меня в упор смотрит азиат, тот самый, что срубил меня в приёмнике.

– Тарэлька нужен? Иди суда, возми!

Я сплёвываю на пол, и сажусь за свой стол, понимая, что сегодня остался без обеда. Пока все жуют, я медленно наливаюсь тяжёлой злобой, сука нерусская, из – за тебя мне не жрать теперь, что ли? Я встаю из – за стола, старшина лениво спрашивает – куда собрался?

– Пойду на кухню, тарелку возьму.

Прохожу на кухню, к окну раздачи посуды, азиата там нет, иду дальше, и у мойки, там, где расположены четыре огромных раковины с мутной от жира водой, вижу напевающего что – то вполголоса солдата.

– Слышь, ты! Где этот нерусский, который тут посуду мыл?

Солдат оборачивается, и оказывается Лошариком, тем самым, который и привёл азиата в мою жизнь. Лошарик заискивающе улыбается – тебе чего, зёма?

– Я тебе не зёма, пидор вонючий.

– Не надо нервничать...

– Узнаёшь меня?

– Ннет, а мы чё, знакомы?

– Ага, я тебе клешню отказался пожать, и ты, сука трусливая, за старшими сбегал.

– Не помню такого, ты меня с кем – то перепутал, зёма.

– Да похуй, помню – не помню, щас я тебя суку, рвать буду.

– Братишка, ты чего? Я тебя не знаю, не надо...

Лошарик хватает разделочную доску, и бросается на меня, широко разинув рот – аааа! Я делаю уклон, и выбрасываю, правый боковой, Лошарик отлетает к раковине, я бью его ногой в лицо, вкладываясь в удар, слышен приятный хруст, по лицу Лошарика течёт кровь, я поднимаю его за воротник, и окунаю головой в раковину с мутной водой, он начинает трепыхаться, отчаянно дёргая руками и ногами, я держу его долго, убедившись в том, что пару литров он выпил, отпускаю руки. Тело падает на пол с громким стуком, его бурно рвёт, сгустки крови, остатки полупереваренной пищи – всё это льётся на грудь, он громко втягивает воздух, хрипит, и вдруг начинает тихонько плакать – сукааа, сколько можно, когда это кончится! Все меня чмырят, и деды, и черпаки, а теперь и ты... Я так больше не могу... чего я вам всем сделал, ... не могу терпеть больше...

Я подхожу ближе, легонько тыкаю его носком сапога в висок, он послушно заваливается на бок, словно неживой, я ставлю ногу на голову таким образом, чтобы давить каблучком на ухо, нажимаю сильнее, вызывая крик боли – как зовут этого азиата?

– Бату.

– Так и зовут?

– Нет, у него какое – то длинное имя, Эрдэна...бат, не выговоришь короче, все зовут Бату.

– Сколько он прослужил?

– Черпак.

– Он что – реально крутой?

– Да, он боец, резкий, быстрый, тебя уделает...

– Посмотрим.

Я смачно, с удовольствием плюю Лошарику в лицо, и выхожу с кухни. Старшина недоумённо смотрит – где тарелка?

– И так полегчало.

– Ну и ладно, рота! Закончить приём пищи!

Старые неторопливо доедают, перебрасываясь репликами, молодые вскакивают, и выбегают из столовой, дожёвывая на ходу. Старшина настроен благодушно – ты (он показывает на меня) – песню, запевай!

– Взвейтесь соколы орлами, полно горе горевать!

Рота подхватывает – то ли дело под шатрами, в поле лагерьем стоять!

Когда до казармы остаётся несколько метров, Бейвнос тем же благодушным тоном замечает – отставить! Последние ряды не поют. Круугом!

Мы возвращаемся к столовой, и проходим путь заново, на середине плаца старшина заворачивает нас вновь – не в ногу идёте! Пять раз, прогнав роту туда – обратно, он разрешает войти в казарму. Мы быстро поднимаемся по лестнице, идущий за мной маленький, коренастый Мамчик судорожно

жуёт горбушку – э, алё! Не наедаешься? В столовой времени не хватает?

Филя радостно, и многообещающе улыбается Мамчику, и орёт – дневальный! Беги в столовую, принеси буханку чёрного. Мамчика ставят к стене, он ещё не понял – в чём именно он виноват, жалко улыбается побледневшими губами – ребят, вы чего? Я.. просто не успел... времени не хватило... не привык так быстро... Деды рассаживаются на табуретках в ожидании шоу, обстановка напоминает кинотеатр – зрители в нетерпении ожидают начала сеанса. Дневальный приносит буханку чёрного – свежего не было, дали какую – то чёрствую...

– Так даже лучше.

Филя протягивает буханку Мамчику – на, ешь.

– Да я не хочу больше, я наелся...

– Я не спрашивал тебя, хочешь ты или нет, ешь!

– Да я...

– Жри сука!

Филя хватается за хлеб, и запихивает его в рот Мамчику, тот начинает жевать чёрствую корку, и когда он совершает первое глотательное движение, Филя молниеносно бьёт его в грудь, Мамчик падает на пол, из открытого рта вываливаются куски непрожёванного хлеба – встать! Быстро! Мамчик с трудом встаёт на карачки – быстрее! Подними хлеб. Тебя салобона, что, не учили – хлеб всему голова! Поднимай всё, до последней крошки, ешь! Мамчик растерянно смотрит на

Филю – ну? Быстро! Поднимай с пола! Жуй!

Дрожащими руками Мамчик собирает полу прожёванные куски с пола, и растерянно замирает – вдруг это уже всё? Шутка закончилась, и урок усвоен.

– Ешь!

– Ребят, я всё понял, я больше не буду, я...

Филя хватается Мамчика за уголки рта, и с усилием растягивает их в стороны, словно шлем – маску противогаза, Мамчик привстал на цыпочки, и (судя по посиневшим губам и бледному лицу) он готов потерять сознание.

– Пиня! Загружай!

Пиночет хватается хлебную массу с пола, и запихивает в рот плачущему Мамчику, Филя отпускает бедолагу, даёт ему пожевать, и вновь наносит удар в грудь, хлебная каша вываливается из полуоткрытого рта, Мамчик сгибается пополам, Филя выпрямляет его апперкотом, тот валится на пол. Филя ждёт несколько секунд – встать! Быстрее! Мамчик с усилием поднимается, Филя ласково поглаживает его по щекам – больно? Ну, ничего, ничего, осталось чуть – чуть потерпеть, ты же у нас молодчинка, так ведь?

– Тттак...

– Ну, вот видишь, как всё здорово!

Быстрый удар в грудь вновь валит Мамчика с ног, он хрипит на полу, с трудом выкашливая клейкую массу, глаза вылезают из орбит, синие губы беззвучно открываются в попытке вдохнуть воздуха.

– Вы – солобоны тупые, должны усвоить – из столовой ничего не выносить! Есть только за столом, никаких горбушек, корок, сухарей, ничего!

Филя присел рядом с Мамчиком – что сучонок, не наедаться?

– Ннет, наедаюсь...

– Вот и славно, давай прибири за собой, развёл тут сви-нарник.

– Сходить за шваброй?

– Чего? За какой шваброй? Ротиком поработай.

– Ты чего? Шутишь? Чего я тебе сделал? За что ты так со мной?

– Ты – крыса ебаная, позоришь нашу роту, таскаешь куски из столовой...

– Я же не знал, я больше не буду...

– Теперь знаешь, давай дохлёбывай и уёбывай.

Мамчик встаёт на карачки – не буду...

– Я не расслышал?

– Я не буду, есть это... эту...

– Уверен?

– Да, не буду, я тебе чего...

– Пиня, держи его!

Пиночет садится Мамчику на спину, Филя хватает Мам-чика двумя руками за правую ногу в районе подъёма, и тянет на себя, выдёргивая её из бедренной суставной сумки, раздаётся громкий хрустящий звук, от которого к горлу подка-

тывает тошнота, Мамчик вскрикивает, и пытается вырваться из – под Пиночета, тот раскатисто хохочет, и прижимает голову жертвы к полу, Филя повторяет процедуру с левой ногой, снова слышен тошнотворный хруст, голова Мамчика бьётся об пол, издавая странный, деревянный стук.

– Филя, он вырубился, хорош – Пиночет встаёт с Мамчика, деда разочарованно встают со стульев (всё произошло слишком быстро), и разбредаются по спальному помещению, готовясь ко сну перед заступлением в караул. Кашей и Фанк волокут тело Мамчика в умывальник, Филя зовёт дневального, для того, чтобы навести порядок, я заваливаюсь на кровать – впереди полтора часа блаженства – я могу поспать! Я закрываю глаза, тёплые волны мягко и ритмично качают меня, какое счастье дарит нам сон...

– Груша, давай, вали его!

– Шарик, сделай его! Долби!

Что происходит? Что за вопли? Я сажусь на кровати, и пальцами разлепляю веки правого глаза, по взлётке, в бешеном темпе, перемещаются двое бойцов.

Тот, кого называют Грушей, имеет маленький скошенный лоб, глаза – щёлочки, расширяющуюся книзу голову, напоминающую формой грушу, он одет в новенькое кимоно, несмотря на большую массу, он двигается быстро и свободно, в его движениях нет суеты, он последовательно лишает противника пространства, работает серийно, умело комбинируя удары руками и ногами. Его противник ниже ро-

стом, у него открытое лицо, лицо простого русского парня, обрамлённое светло – русыми волосами, движения его немного скованные, за неимением кимоно он одет в армейское нижнее бельё (белую нательную рубашку, и кальсоны с завязочками – то, что солдаты называют «армейским триппером»), которое ему велико, каждый раз, когда он выбрасывает удар ногой, из штанов вываливается внушительных размеров член, что вызывает бурю восторга у толпы дедов и черпаков, наблюдающих за ходом поединка. Груша наносит правый прямой, левый по печени и завершает комбинацию правым лоукиком, Шарик пропустил первый удар, затем сделал уклон, и ушёл, раздосадованный Груша бросается вперёд, и нарывается на встречный джеб, на секунду потеряв равновесие, он делает шаг назад, Шарик выпрыгивает, для того, чтобы нанести удар коленом, и в полёте у него вываливается член, Груша падает, Шарик оказывается сверху, и (на секунду) шмякает противника членом по лбу.

– Ааааа, бля! Груша, тебя опарафинили! – восторженно заходится белобрысый старший сержант – ты теперь у нас кукарекать будешь!

Разъярённый Груша сбрасывает Шарика с себя, и бросается в атаку, руки, ноги – всё мелькает с бешеной скоростью, Шарик пропускает прямой удар, затем боковой, и уходит в глухую защиту, Груша обрушивает на него целый град ударов...

– Отставить!

За общим шумом, к спаррингующимся неслышно подо-
брался старшина, в компании ротного и замполита.

– Всем отдыхать, перед заступлением, разоитесь!

Бойцы, оба покрасневшие, с разбитыми губами и крово-
подтёками на лицах, дружески обнимаются, и уходят обняв-
шись. Ну, наконец – то, теперь только сон! Я валюсь на кро-
вать, закрываю глаза, сознание заволакивает какой – то му-
тью, я начинаю плыть по невидимым волнам...

– А мы вот так вот! Свояка вам!

– Ах, ты ж сучища!

– Получите ещё одного, от борта!

– Ну, нет, так не пойдёт!

– Ещё как пойдёт!

Грохот бильярдных шаров, довольный гогот старшины –
спарринг был остановлен для того, чтобы очистить место у
бильярдного стола. Второй раз, вырванный из полудрёмы, я
понимаю, что уже не засну, полежав с закрытыми глазами, я
чувствую, что сон ушёл, смотрю на часы – до подъёма еще
сорок минут, надо чем – то заняться, вопрос – чем? Тум-
бочку я делю с Кашеем, ну – ка, посмотрим – что здесь у
нас? На Кашеевой полке лежит несколько книг, беру первую,
открываю наугад – «был всю жизнь простым рабочим, меж-
ду прочим – все мы дрович...». Любопытненько, даже очень,
пролистнём, и «...а моя, как та мадонна, не желает без ган-
дона...» – стильненько, что это за автор такой – И. Бродский,
видимо какая – то новомодная, сексуально озабоченная сво-

лочь, Кашей – Кашей, что за дерьмо ты читаешь! Ну -с, посмотрим, что –нибудь другое, что –нибудь асексуальное, вот оно – «Это я – Эдичка!», открываю середину книги – «... он постепенно входил в меня, его хуй. Это ощущение заполненности, я не забуду никогда..» « я шептал ему фак ми, фак ми..» – да что за мать твою, эти писатели не могут думать больше ни о чём другом?

– Чего шумишь?

От неожиданности я вздрагиваю – старшина навис надо мною, крючковатый пористый нос находится в угрожающей близости от моего левого глаза, я на всякий случай отстраняюсь – как бы не клюнул меня этот птенчик.

–Чего страницами шелестишь? Ты спать мешаешь всем!

От его рыка, у меня шевелятся брови, Кашей испуганно вскакивает – а? Чего? Уже подъём?

– Вот видишь? Перебудил всех!

– Аааа! Я понял! Грохот бильярдных шаров, и ваши вопли – это сладкая музыка для солдатских ушей, колыбельная такая, а вот шелест страниц – это страшный грохот, от которого мёртвые просыпаются...

Ротный багровеет от злости – это кто там такой умный? Два наряда на службу!

– Да он и так у нас с тумбы не слезает, я его сегодня снял с наряда, вечером опять заступит...

– А, ну тогда ладно, пусть ходит дальше.

8.

– Фаняев!

– Я!

– Тетеря!

– Я!

– Бойцы, у нас большая проблема. Наш ротный – страстный рыбак, раз в две недели он отправляется на рыбалку, но! Он ненавидит рыбачить в одиночестве, ему нужно общение, он обожает рыбацкие анекдоты. Те, кто служат долго, знают эту слабость Мазепана, все мы уже побывали на рыбалке с командиром роты, ему требуется свежий собеседник. Кто хочет закосить от работы, посидеть с удочкой, нормально поесть, (а если у ротного будет хорошее настроение), то и выпить?

Тетеря, стоявший рядом, ткнул меня в бок – ну? Чего тормозишь? Не надоело на тумбе париться?

– Ненавижу рыбалку, а ротного ещё больше чем рыбалку, я лучше на тумбе постою.

– Ну и дурак.

Тетеря поднимает руку – Я! Я готов!

– Хорошо, кто ещё?

– Я! – Мамчик тянет руку вверх.

– Отлично. Ещё!

Больше желающих не нашлось.

– Рыбаки, выйти из строя!

Тетеря и Мамчик неуклюже выходят в центр спальника.

– Устали, значит? Отдыха захотелось? Рыбку половить? Будет вам рыбалка. Шагом марш в тренажёрку!

Мамчик и Тетеря маршируют в тренажёрный зал, и быстро возвращаются с грифами от штанги в руках.

– Успех на рыбалке зависит от крепости ваших мышц. Поэтому! Прежде чем доверить вам настоящие удочки, надо натренировать предплечья. Сели на табуретки. Взяли грифы двумя руками. Держим их параллельно полу. Удочка не должна упасть в воду! Держим!

– Сколько времени держать?

– Пока рыбу не поймаешь! Те, кто не задействован в рыбалке – разойдись! Готовимся ко сну!

Я захожу в туалет, и встаю в очередь – несмотря на то, что в туалете шесть очек, молодые могут ходить только на первое, остальные для старых. Очередь возникла из – за того, что рыженький пацанчик по кличке Кунг – Ффу, переел солёных огурцов на разгрузке вагонов, и теперь обстановка в туалете напоминала зону боевых действий, из – за двери доносилась канонада, примерно такая, как при утилизации боеприпасов, к ней примешивалось сосредоточенное кряхтение Кунг – Ффу.

– Дятел,блядь, кто же так нажирается? Ты чем думал, мудила?

– Я жрать хотел, а тут как раз бочка лопнула, ну я и...

– Нашёл себе на жопу проблем!

– Га – га, ххо!

– Слышь! Давай быстрее! До отбоя десять минут!

– Я не могу, меня несёт зеленью какой – то, ещё и пучит, аж бурлит в животе.

– Клин клином вышибают, сбегайте кто –нибудь в столовую за солёными огурцами, один сверху засунем, другой снизу, глядишь, извержение и прекратится!

– Дебилы! Не смешно!

Я ухожу к умывальнику, понимая, что в туалет я попаду только после отбоя. В полумраке спальника, Мамчик и Тетеря продолжают удить, оба держат удочки трясущимися руками, Мамчик опускает руки, гриф со звоном падает на пол, Филя материализуется из темноты, и бьёт Мамчика в грудь, тот падает со стула под общий смех. Тетеря с усилием удерживает гриф, но тот неумолимо клонится к полу, и на одно мгновение касается пола, Тетеря резко поднимает руки вверх, и в этот момент получает от Филя сокрушительный удар в грудь, он падает назад и роняет гриф себе на голову под оглушительный смех дедов, особенно заливается белобрысый старший сержант, он смеётся долго, залиvisto, до слёз, растирая руками покрасневшее лицо. Мамчик встал, и вновь держит удочку, Тетеря лежит на полу и стонет, вокруг его головы расплывается лужа чёрного цвета.

– Дебил, башку себе разбил, дневальный найди фельдшера!

Дневальный тащит за шкирку, повизгивающего фельдшера (мутные бегающие глазёнки, предательская щетина на

щеках – с виду вылитый дезертир).

– Посмотри, что у этого с головой.

Фельдшер приседает на корточки, расстроено чмокает губами и говорит – дело серьёзное, ему к врачу надо.

– А ты кто?

– Я? Фельдшер.

– Так сделай что – нибудь, подорожник приложи, или по-
ссы ему на голову – как вы там кровотечение останавливае-
те?

– Ему надо в госпиталь, там зашивать надо...

– Какой нах госпиталь? Нас всех спеленают тут, и на ди-
зель отправят, давай, делай чего– нибудь!

– Я не могу, у меня ничего нет, ни бинтов, ни перекиси...

– Ну, тогда отсасывай...

– Чего... ты про что?

– После укуса змеи, яд отсасывают, правильно?

– Ну да, но здесь совсем другое...

– Соси, давай! Всё до капельки!

– Да вы чего? Опупели совсем? Тут открытая рана, что за
бред...

– Шевелись сука тупая! Пиночет, ускорь его!

Пиночет бьёт фельдшера ногой по спине, тот падает пря-
мо на отключившегося Тетерю, сержант – альбинос визжит
от удовольствия, и заваливается на кровать, хрюкая от изне-
можения – уии, улёт бля! Маски – шоу отдыхают!

Фельдшер поднимается на ноги, его лицо в крови – вы чё,

оухели? Чёго творите, черти?

– У тебя менструация, что ли? Закрой влагалище!

– Это не моя кровь, это его, я просто неудачно упал, кто из вас дебилов меня ударил...

Филя бьёт фельдшера в грудь, тот складывается как картонный, и падает лицом в пах отключившемуся Тетере.

– Оооо! Мастерницы отсоса за работой! Сексуальная медсестра учуяла вкусняшку! Мумс – мумс! Сделай ему сладенько, детка!

Белобрысый сержант – хохотун хрипло стонет – бля, я щас кончу, хорош прикалываться, не могу больше смеяться, живот болит...

– Дежурный по роте на выход!

Деды быстро разбегаются по спальному помещению, на взлётке лежит потерявший сознание Тетеря, и в паху у него, тихо елозит, поскуливая, фельдшер. Дежурный по части вальяжно вошёл в спальное помещение, и замер, поражённый открывшейся картиной: Тетеря расслабленно возлежал на полу (подобно пресыщенным, пирующим римлянам), и негромко постанывал, фельдшер медленно поднимал голову от кальсонов Тетери, его лик был ужасен, он был похож на застигнутого за работой вампира, искажённое болью, окровавленное лицо, выпученные глаза, увидев офицера, он произвольно сглотнул и облизнулся.

– Что... что это такое? Что у вас тут происходит? Дежурный по роте!

Пыж засуетился – это... ммм, ну, это... вы же знаете, эти духи такие азартные, качалкой увлеклись, не заметили сигнала к отбою...

– А чего он лежит?

– Делает жим лёжа, отличное упражнение для грудных мышц.

– А что это там такое тёмное – да это же кровь! Откуда кровь?

– Ударился, наверное... Фельдшер – что с ним?

– Уронил гриф от штанги себе на голову.

– А вы что здесь делаете, товарищ солдат?

– Я ему первую помощь оказывал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.